

С. В. ШТЕРН

ГОЛЛАНДИЯ

БЕЗ ВРАНЬЯ

• ЗАГРАНИЦА БЕЗ ВРАНЬЯ •

Сергей Викторович Штерн
Голландия без вранья
Серия «Заграница без вранья»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16115943
Голландия без вранья / С. В. Штерн: РИПОЛ классик; Москва; 2015
ISBN 978-5-386-08376-2

Аннотация

Увидеть Голландию глазами умного человека – дорогого стоит. Сергей Штерн, писатель и переводчик, много лет живущий в Швеции, в каждой строчке этой книги ироничен и искренне влюблен в страну, по которой путешествует. Крошечная нация, поставленная Богом в исключительно неблагоприятные условия выживания, в течение многих веков не только является одной из самых процветающих стран мира, но и служит образцом терпимости, трудолюбия и отсутствия национальной спеси, которой так грешат (без всяких на то оснований) некоторые другие страны. К тому же голландцы – вполне странные люди: они живут ниже уровня моря, курят марихуану, не вешают занавесок на окнах и радостно празднуют день рождения королевы. А еще, они тот редкий народ, который все еще любит русских и нашего энергичного царя Петра...

Содержание

Познание – это припоминание	5
Долго запрягаем, быстро ездим	11
Голландский хлеб и белые велосипеды	15
Гауда – столица сыра и трубок	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Сергей Викторович Штерн

Голландия без вранья

Посвящается моим спутникам: Альберту – по причинам, которые читатель легко поймет, прочитав книгу, и моей жене Тане – по причинам, понятным и без чтения.

© Штерн С. В., 2013

© ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2015

* * *

Познание – это припоминание

Под этой рубрикой скрывается предисловие. Я не хотел называть его предисловием, потому что оно, как и все другие предисловия, было написано потом. Так что это, строго говоря, послесловие, помещенное в начале и названное предисловием.

Вообще говоря, у автора и мысли такой не было – писать путевые заметки, да еще такие длинные. А мысль была вот такая: усвоить наконец европейский позитивный взгляд на окружающие нас неодушевленные предметы.

Что делает, к примеру, европеец, приезжая в Альпы? Он тут же в ближайшем альпийском ларьке покупает открытку. Даже не одну, а несколько открыток – на некоторых горы там, снега, фиалки-эдельвейсы, а на других птички поют, насекомые чирикают, весело собирают мед для вечерней трапезы. Покупает он эти открытки, пишет на каждой: «Привет, дескать, из Альп. Чего и вам желаю!» – и посылает своим знакомым.

А попадет на Ниагару – пожалуйста, просит случайного прохожего сфотографировать его с женой на смотровой площадке. А рядом с ним, в метре каком-нибудь, низвергается всемирно известный водопад, обдавая его солеными брызгами. Или, виноват, брызги, кажется, пресные. И вот он, не сходя с этой самой смотровой площадки, моментально пишет: «Нет, вы только обратите внимание, какое величественное и неукротимое явление природы». И это очень правильно – таким разумным и позитивным отношением к природе он придает себе сил для дальнейшей борьбы с окружающей его средой. Ну и за существование, конечно.

А у нас немного не так. Вот, например, съездил знаменитый русский поэт-сатирик Саша Черный в Финляндию и написал:

*Был на Иматре. – Так надо.
Видел глупый водопад.
Постоял у водопада
И, озлясь, пошел назад.*

Кто бы мне ответил – чем ему водопад не угодил? И с каких щей он озлился?

Эту характерную черту русского характера подметил еще наш гениальный поэт Александр Сергеевич Пушкин, вложив в уста разочарованного Онегина следующие слова:

*...Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне.*

Наверное, Саша Черный, добираясь на извозчике до водопада, надеялся, что при виде падающей воды его посетит какое-нибудь откровение, что ему откроется смысл жизни или что-то в этом духе. Поэтому он постоял у водопада, подождал – и, не дождавшись никакой национальной идеи, почему-то озлился и пошел назад. К извозчику.

И Онегин, наверное, тоже, хотя там немного по-другому: он так пренебрежительно отозвался о луне, чтобы унижить этим Ольгу Ларину («Кругла, красна лицом она, / Как эта глупая луна...»). Но все равно, луна здесь ни при чем, потому что она – явление природы, и особого ума от нее ждать не приходится.

А вот что касается национальной идеи, то это другой вопрос. Автор не очень хорошо понимает, что это такое, но одно несомненно. Это – опасная штука. То есть так-то, конечно, может быть, и ничего опасного, но история показывает, что чуть не все страны, заразившись бациллой национальной идеи, довольно быстро исчезали с исторического горизонта. Особенно если эта самая национальная идея подразумевает, что мы умные, а все дураки.

И тут автор, отвлекшийся на разные цитаты из классиков, вспомнил, ради чего он это сделал – как раз именно ради национальной идеи. Потому что в стране Нидерланды ему впервые пришлось увидеть и осознать национальную идею другого рода. Вернее, ее даже и национальной-то назвать трудно, потому что Нидерланды, как и большинство европейских стран, давно уже не являются местом, где живет нация голландцы. Индонезийцы, негры, евреи составляют значительную часть населения и с большим энтузиазмом и пониманием эту национальную идею разделяют. Или лучше назовем ее народной. Эта народная идея – вопрос выживания.

А в России сейчас о национальной идее говорят все кому ни лень. Вот, дескать, страна без национальной идеи обречена на вырождение, и если у нас такой идеи нет, надо ее немедленно придумать.

А это вообще возможно – придумать или, еще того чище, разработать национальную идею?

Мне кажется, что лучшее определение национальной идеи дал когда-то Владимир Соловьев: «Идея нации есть не то, что она думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности».

И что это значит? А вот что: по-видимому, все те, кто со знанием дела рассуждает о национальной идее и предлагает немедленно ее сконструировать, каким-то образом получили доступ к божественному замыслу, и им осталось только разъяснить этот замысел всем, кто по каким-то причинам не успел с ним познакомиться.

И вообще, как можно сконструировать национальную идею? Конечно, вполне можно себе представить, как какой-нибудь политолог или гимнописец меряет шагами кабинет и мучительно ее формулирует. Но это же так трудно! Например, я вычитал список требований к национальной идее, созданный ее апологетами. Там тридцать два пункта!

Не много ли? Согласитесь, трудно представить себе внятно сформулированную национальную идею, удовлетворяющую тридцати двум требованиям. Ближе всех к ней, по-видимому, подошел некто, кто изобрел суверенную демократию. Но и тут нужен Михалков, чтобы уложить «суверенную демократию» в размер гимна. «Ты, демократия, ты, суверенная...» И что же это такое? Если слово «демократия» и переводится как власть народа и толкуется как власть большинства, то суверенная демократия, очевидно, предполагает власть какой-то другой, более суверенной группы населения. К тому же суверенная демократия, похоже, удовлетворяет разве что тридцатому пункту («быть приемлемой для власти»), а вот что касается пунктов 17 («иметь зарубежные аналоги»), 21 («быть содержательной и умной»), а особенно пункта 19 («быть понятной и ребенку»), возникают большие сомнения. Этот оксюморон – «суверенная демократия» – и большинству политологов-то непонятен.

И как это, интересно, господа конструкторы национальной идеи представляют себе жизнь после ее внедрения? Сейчас-то ясно: просыпается среднестатистический гражданин России в каком-нибудь Котоврасе или Малопердянке – и сразу к телевизору: а что, не открыли еще национальную идею? Корова не доена, сарай развалился, надо бы курей еще покормить... но без национальной идеи рука не поднимается. Телевизор работает – и ладно. Сарай подождет до завтра. Завтра наверняка откроют.

Тут автору кажется, что в ходе всех этих рассуждений он неожиданно для себя приблизился к формулировке национальной идеи.

«Починим сарай!», например. Или вот: «Будем соблюдать технику безопасности!» Это тоже очень важная идея, потому что такие события, как Чернобыль или Саяно-Шушенская катастрофа, вполне могут сделать любую национальную идею неактуальной.

Нет и не может быть национальной идеи, которая объединила бы гуманизм и культуру с пещерной дикостью и оголтелым стяжательством...

Так что попытка понять, каким образом страна Нидерланды, обиженная природой и Богом, живет без ясно сформулированной национальной идеи, стала одной из причин, почему я решил написать эти заметки. И конечно, была еще одна причина – Альберт Йоганн Бурман.

Альберт: Слава богу, ты хоть правильно называешь страну – Нидерланды. Как это будет по-русски – Низины? Голландия – это всего лишь западная, приморская часть Нидерландов. Называть Нидерланды Голландией – примерно то же самое, что называть Россию Московией.

Откуда он выкопал это слово – «Московия», ума не приложу. Оно, по-моему, встречается только в учебниках истории. Не знаю. Зато знаю совершенно точно, что, если бы не Альберт, чей ворчливый комментарий вы только что слышали, этой книги бы не было.

Альберт Бурман заслуживает, как мне кажется, специального описания. Он высок ростом (что-то около ста девяноста сантиметров), широк в кости, хотя и худощав. Здоровенные руки и ноги в башмаках сорок шестого размера вполне соответствуют крупной, с роде-новской щедростью вылепленной голове с редующими седыми волосами.

Я никогда не встречал человека, который бы настолько не обращал внимания на одежду и при этом умудрялся выглядеть так элегантно. Он, к примеру, надевает сорочку, не глаженную ни разу с момента ее приобретения где-то в середине шестидесятых, накидывает светлую бесформенную куртку, небрежно повязывает длинный красный шарф – и перед вами... ну, скажем, крупный (в буквальном и переносном смысле) режиссер. Или поэт эпохи Возрождения. Его феноменальная образованность странным образом не противоречит совершенно авантюрному складу характера; глядя на него, я всегда вспоминаю прустовского Блока: «Я охотно ввел бы в употребление курение опиума или ношение малайского кинжала, но мне совершенно неизвестно употребление часов и зонтика, этих бесконечно более пагубных инструментов».

Альберт: По этому поводу хорошо сказал Лафонтен: «Льстецы живут за счет тех, кто их слушает!»

Вообще говоря, я и не собирался ему льстить.

Является и возмущенно швыряет с порога утреннюю газету:

– Ты читал? Черт знает что! Я уже написал письмо в редакцию.

Не уверен, что из этого описания понятен возраст Альберта. Ему за восемьдесят.

Он родился, вырос и получил образование в Голландии, но последние сорок с лишком лет живет и работает в Швеции. Альберт Бурман – профессор-психиатр, хотя ему следовало бы стать историком или на худой конец, лингвистом. Сам он объясняет выбор профессии тем, что в конце тридцатых годов, когда уже было ясно, что война неизбежна, он предпочел специальность, позволяющую, даже служа в армии, не стрелять в себе подобных.

Рассказы Альберта о стране Нидерланды, ее географии, истории позволили нам увидеть несравненно больше, чем мы могли, если бы не было этой подготовки и его постоянных пояснений. А увиденное оказалось настолько интересным и поучительным, что я не мог удержаться, чтобы с помощью этих заметок не привести в порядок хотя бы свои собственные мысли о Нидерландах, на протяжении нескольких веков игравших ключевую роль в истории Европы.

И о национальной (народной) идее, без которой этой страны на карте мира не существовало бы вовсе.

Почему? Автор надеется, что, прочитав эти заметки, читатель поймет почему.

У Альберта есть привычка рассказывать об исторических событиях так подробно и с такими интимными деталями, как будто вся человеческая история разыгрывалась в соседнем дворе, а он наблюдал ее с крыши.

Вдруг заявляет:

– Вот здесь стояла испанская армия. Мы смотрим на него, ожидая продолжения.

– Нет, – припоминает он, – не здесь. Вон у той рощицы.

Познание – это припоминание. Вот до чего додумался Платон. Глядя на Альберта, мне кажется, что он и в самом деле, как теперь говорят, «в той жизни» видел этих простуженных испанских пехотинцев в заплесневелых от постоянной сырости латах.

По правде говоря, я долго не мог уразуметь, что именно имел в виду великий грек, пока года два назад не попал в заповедник Тимна в пустыне недалеко от Эйлата – тот самый, где когда-то были знаменитые копи царя Соломона. Я вышел из машины, огляделся – и припомнил. Это было отчетливое, может быть, впервые в жизни *настолько* отчетливое дежавю.

Мертвые, подернутые патиной медного колчедана холмы, изжелта-белые выветрившиеся скалы, напоминающие гигантские черепа, и иссушающая, никогда ранее не испытанная жара. Когда мы уже уезжали, в маленьком оазисе у искусственного озера термометр под навесом показывал пятьдесят два градуса – в тени. Сколько же было на солнце, под которым мы вышагивали не менее трех часов, то и дело прикладываясь к бутылке с горячей минеральной водой?

Но я точно был здесь – забираясь на холм, я уже знал, какой ландшафт передо мной откроется. Эта скала в форме гриба – я видел ее раньше, вон та куча камней – это же тогда была печь для выплавки меди, я знал это еще до того, как мы подошли и прочитали информацию на табличке. Тогда в ней был такой жар, что нельзя было подойти ближе чем на двадцать... локтей? Не знаю, чем измеряли расстояние в древней Иудее, но почти уверен, что локтями, иначе не выскочило бы так легко и естественно это слово.

Голос предков?

Что же там есть, в этих пыльных сундуках нашего мозга, где, по-видимому, хранится накопленная тысячелетиями и неподвластная времени наследственная память, то, что у животных весьма приблизительно называется инстинктом? Мы забыли свои инстинкты, мы не знаем, какие усилия надо предпринять, чтобы вызвать в памяти картины минувших веков. И возможно ли это вообще?

И что произошло в парке Тимна – может быть, доисторическая, никогда ранее не испытанная жара притупила бдительность моего так называемого *эго* – пограничной контрольно-пропускной полосы, отделяющей сознательное от диковатого и наверняка абсолютно асоциального подсознательного? То есть это самое *эго* попросту перегрелось, и из темных глубин подсознательной памяти начали медленно и беззвучно, как сомы из омута, всплывать картины какой-то давно прожитой жизни, навечно закодированной предками в генах моего рода.

Похоже, эти самые предки плавил медь на копиях царя Соломона. Вот так номер!

Несмотря на жару, меня охватил озноб. Казалось, горячий, насыщенный тонкой песчаной пылью воздух тоже дрожит от волнения. *Аба, рахем на!* Отец, я все помню!..

Или еще одно воспоминание – кто-то огромный, с неразличимыми чертами совсем рядом. Мне видны только руки – пальцы совершают ритмические движения, как будто заводят механические часы.

Я всегда думал, что это одна из тех ранних картинок памяти, которые всегда сомнительны, например купание шестимесячного Льва Толстого в ванночке. Тем не менее сцена

эта долго не давала мне покоя – в конце концов я решил, что это была, скорее всего, моя мама: она, наверное, скручивала ватный тампон, чтобы прочистить младенцу уши, нос или что-то там еще, что засоряется у младенцев. Но сравнительно недавно, в очередном сюрреалистическом сне, я вдруг понял – это было гораздо раньше, еще задолго, очень задолго до того, как я плавил медь в иудейской пустыне. Это был Он – закручивал длинные и вялые, как спагетти, молекулы моей ДНК в изящные двойные спиральки! Шутка сказать... Проснувшись в задумчивости, я сказал вслух: «А, ерунда». Конечно, ерунда, бывают же такие замысловатые сны, а все же – вдруг не ерунда?

А предки Альберта – кто они были? Крестьяне? Ученые монахи? Морские пираты? Отец его был директором сельской гимназии. Конечно же можно объяснить его необычайную эрудицию просто пылким (и к тому же привитым) интересом к истории человечества и вообще к гуманитарным наукам, в частности к языкам. Кому еще придет в голову выучить штук пятнадцать европейских языков, включая такие экзотические, как финский, венгерский и даже немного иврит! Но мне кажется, что здесь присутствует и та самая таинственная наследственная память, о которой я только что упоминал.

Вообще, Альберт – один из немногих, кто замечает историю. Обычно люди историю не замечают – слишком коротка для этого человеческая жизнь. Как правило, человек начинает присматриваться к событиям прошлого, когда у него возникает недовольство окружающим миром. Правда, дальше неприятных аллюзий дело обычно не идет. Вот, мол, смотрите, уже и раньше человечество сталкивалось с подобными пакостями, и вот к чему это привело. А профессиональные историки, даже самые прозорливые, просто делают вид, что не замечают сегодняшней истории, чтобы не наживать на свою голову неприятностей. Когда еще в глубокие застойные времена у замечательного петербургского историка Валентина Семеновича Дякина спросили, каким образом ему, занимаясь первыми десятилетиями двадцатого века в России, удастся балансировать так, чтобы не навлечь на себя гнев властей, он мрачно ответил: «Не позже февраля и не левой кадетов».

А Альберт не просто замечал историю. Он постоянно в нее ввязывался. Например, его военная биография началась с того, что он на четвертый день войны сбежал с приятелем из классического интерната. Ранним утром они, предусмотрительно смазав дверные петли (пригодилось чтение приключенческих романов), бесшумно выбрались в сад. В сарае лежали заранее припрятанные велосипеды. План был таков: добраться до самого западного побережья страны, обменять велосипеды на лодку и, проскользнув мимо немецких кордонов, присоединиться к английскому флоту. Для этого надо было проехать на велосипедах пол-Голландии, но и это их не смутило: по дороге они собирались заезжать к родителям своих соучеников, передавать им привет от их детей – кто откажет доброму вестнику в миске картошки и ночлеге! Самое удивительное, что план их почти удался – они проехали несколько сот километров, раздобыли лодку и пустились в путь. Уже маячил какой-то корабль на горизонте (неужели английский?!), уже чертили небо чайки, уже так была близка цель, но тут начался отлив, и лодка с мальчиками за какие-то полчаса очутилась на бесконечной песчаной отмели, и лишь где-то вдали поблескивало желанное и недоступное море. Измученные и голодные, ребята добрались до ближайшей деревни...

Вообще, Альберт был участником исторических событий, не менее, а может быть, и более драматических, чем те, о которых он рассказывал нам во время поездки, – он был борцом голландского Сопротивления, принимал участие в спасении евреев от нацистов, угодил в немецкий лагерь и чудом уцелел. Государство Израиль удостоило его звания праведника – человека не еврейского происхождения, спасавшего евреев во время холокоста. В его честь посажено дерево в музее «Яд Вашем» в Иерусалиме, его имя высечено на камне...

И еще об Альберте. Он – идеальный товарищ по путешествиям, веселый, неприхотливый, легкий в общении, покладистый... правда, только до тех пор, пока ему не кажется, что он знает направление, куда идти, но этого он не знает никогда, хотя и не хочет признать...

В заключение автор хочет попросить у читателя прощение за то, что в книге встречаются неизвестные ему имена и фамилии моих друзей и знакомых. Это легко объяснить: первоначально заметки были адресованы тем, кому эти имена хорошо известны. Сначала я подумал, не стоит ли дать подробные разъяснения, кто есть кто, но в конце концов решил – пусть останется все как есть. Пусть незнакомый с моими друзьями читатель воспринимает их так же, как в гоголевском «Ревизоре» «...сестру Анну Кирилловну, которая приехала к нам со своим мужем, и Ивана Кирилловича, который очень потолстел и все играет на скрипке...». Эти таинственные персонажи из письма родственника городничего никогда больше в пьесе не появляются и никакого влияния на развитие интриги, как известно, не оказывают, поэтому читателю остается только примириться с их присутствием.

Долго запрягаем, быстро ездим

Разговоры о том, чтобы поехать с Альбертом в Голландию, начались еще года три назад, после того как мы вместе съездили в Санкт-Петербург. Поездка выдалась забавной. Мы выехали из Стокгольма теплым весенним днем, но на таможне в Торфяновке температура была уже не выше чем плюс два.

Дул пронзительный балтийский ветер. Седые легкие волосы Альберта развевались над головой, словно нимб.

В конце концов он натянул теплую финскую кепку с ушами, замотал шарф потуже и заявил, что, по его мнению, он похож на наполеоновского солдата.

Альберт: ...улепетывающего из России! А если без шуток, не стоит забывать, что Россия дважды спасла мою страну: от того, чтобы стать французской провинцией, – в тысяча восемьсот двенадцатом году, и от того, чтобы стать немецким захолустьем, – в тысяча девятьсот сорок пятом году. Нечего удивляться, что у голландцев особое отношение к России!

Как бы то ни было, нас ждал на своей даче в Керро под Санкт-Петербургом мой старинный друг Жора Праздников, профессор Института театра, музыки и кино, но Альберт об этом ничего не знал. Он ехал в неизвестность – в загадочную, опасную и манящую Россию. На добродушном лице его явственно читалась настороженность, когда мы с хорошей дороги свернули на похуже, с дороги похуже – на совсем плохую, а с плохой – на нечто такое, что и дорогой-то назвать нельзя.

Наконец, осторожно переваливая с ухаба на ухаб, мы добрались до места. На даче (правда, не во всех комнатах) было тепло, баня натоплена, ждал, как всегда, гостеприимный стол. Мы, промерзнув до костей на таможне, сладко попарились в бане, и я в который раз подивился системе подачи воды, по сложности сравнимой разве что с нью-йоркским метро.

Вообще мой друг Жора – большой перфекционист. Если он берется за что-то, то изучает вопрос досконально и потом делает все основательно и по последнему слову науки. Никогда не забуду, как в годы нашей молодости мы решили пойти на каток. Когда я зашел к нему, он сидел на диване и зашнуровывал ботинки с коньками. При этом он то и дело наклонялся, заглядывая в лежащую рядом книгу. Я посмотрел, что это за книга. Книга называлась «Как кататься на коньках».

И это при том что Жора когда-то был чуть ли не чемпионом города среди школьников!

Потом пришли соседи, мы выпили водки, закусили – и тут Альберт, как я и предвкушал, потряс общество своим знанием русских песен и романсов. Дело в том, что он сейчас с моей помощью усердно изучает свой шестнадцатый язык – русский. А у него свой метод занятий. Он первым делом учит наизусть все попавшиеся ему на глаза песни. Постепенно их набралось довольно много: и «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан», и «Из-за острова на стрежень», и «Легко на сердце от песни веселой», и даже какая-то чайка, которой что-то там крыло серебрит. Его и двух Жоркиных соседок по даче нельзя было оторвать друг от друга – они пели без перерыва часа три. Симпатичная соседка Лиля предложила Альберту переночевать у нее, поскольку теплых комнат не хватало. Наутро, совершенно счастливый, ошеломленный естественным дружелюбием окружающих его людей, Альберт погладил испеченный Лилей пирожок и задумчиво сказал: «Мы обязательно съездим в Голландию... Но голландцы совсем другие». Я не стал ему говорить, что и русские не все «такие», – из патриотизма.

Альберт: Не скромничай! Такого гостеприимства, как в России, я не встречал нигде.

Обязательно надо свозить его в Грузию...

Несколько раз поездка срывалась, но на этот раз мы решили твердо – едем. И обязательно в сезон тюльпанов.

Недели за три до поездки Альберт начал приходить с картами, справочниками, фотографиями и альбомами, разрабатывал маршрут, спрашивал, что бы мы хотели увидеть. Мы сказали, что полностью доверяем ему в выборе маршрута, потому что кому как не ему знать, что надо посмотреть в Голландии! По его довольной физиономии было видно, что он тоже в этом уверен, а спрашивает просто так – из вежливости.

Наконец, все определилось: маршрут, схема финансирования – мы оплачиваем дорогу, Альберт – жилье. Дата отъезда – 28 апреля. Поначалу я сгоряча хотел проскочить весь путь от Стокгольма до Гауды, где Альберт заказал гостиницу, за один день, но потом стало ясно, что это очень тяжело и, как бы рано мы ни выехали, доберемся до места лишь глубокой ночью. Поэтому я позвонил Володе Крайневу в Ганновер и попросил пустить переночевать – как по дороге туда, так и обратно. Конечно, можно было остановиться в каком-нибудь мотеле, но как упустить случай повидаться, если есть такая возможность?! Тем более что в его доме места хватает. К сожалению, выяснилось, что Володю мы застанем лишь на пути обратно – у него как раз в эти дни были концерты в Лисабоне. Но возражений, как и надо было ожидать, не последовало – очаровательная и гостеприимная Володина мама Илечка сказала твердо: «Разместим!»

Рано утром 27 апреля наша собака, голден ретривер по имени Лиза, воспользовавшись неплотно закрытой дверью, проникла в спальню, ткнула меня влажным носом в локоть и, держа тапок во рту, произнесла на своем выразительном собачьем языке, хрюкая и постанывая, целый монолог: «Как же так, мы всю ночь не виделись, а ты тут валяешься, как какой-нибудь старый жирный бульдог!»

Отказать ей в таких случаях невозможно, поэтому я встал, накормил ее самыми изысканными собачьими деликатесами, и мы пошли гулять. Она, как всегда, носилась кругами, пугала ворон и то и дело приносила мне на экспертизу найденные ею довольно сомнительные с точки зрения гигиены предметы.

Вечером я с тяжелым сердцем отвез Лизоньку в собачий отель, а 28 апреля в пять часов утра мы покидали вещи в машину и тронулись в путь. Захватили Альберта и в первую очередь поехали на кладбище положить цветы – в этот день была годовщина смерти Ежи Эйнхорна, знаменитого шведского врача и общественного деятеля, с которым я очень подружился в последние два-три года его жизни, переводя на русский язык его замечательную книгу «Избранный выжить». Постояли немного у могилы. Было тихо и, несмотря на ранний час, довольно тепло. Воздух по-весеннему пах свежесрезанным арбузом. Низкое еще солнце то вспыхивало ярко, то пряталось за темными вековыми елями. На плите по еврейскому обычаю лежали несколько камушков. Мы тоже положили камни.

Привычные шестьсот километров до Хельсинборга проехали за шесть часов, включая заправку и остановку на зеленой стоянке, где с аппетитом слопали испеченные моей женой Таней пирожки с капустой и яйцами, запивая горячим чаем из термоса.

По случаю субботы дороги были почти пустыми, ехать было легко и приятно, и в час мы уже грузились на паром Хельсинборг – Хелсинор. Хелсинор – это датский городок, выстроенный рядом с королевской резиденцией (Эльсинор!). Замок, где разворачивается действие «Гамлета», цел и невредим, его видно с парома, который преодолевает расстояние

между Швецией и Данией за двадцать пять минут. Даже паром называется «Гамлет». Не сказал бы, что от этого названия веет надежностью. Вспомнил, как наши доблестные авиаконструкторы в свое время назвали гигантский транспортный самолет «Антеем», забыв, по-видимому, что для этого героя греческих мифов оторваться от земли означало погибнуть. В именах и названиях есть своя метафизика...

Уж совсем леденящий душу пример – за пятьдесят шесть лет до чудовищной атаки на Нью-Йорк 11 сентября 2001 года американцы назвали свой ядерный проект, вылившийся в бомбежку Хиросимы и Нагасаки... «Манхэттен»! Из десятков тысяч возможных названий было выбрано именно это – на первый, на второй и на третий взгляд не имеющее ничего общего с содержанием проекта... И две летающие бомбы (тоже две), начиненные живыми людьми и керосином, обрушились именно на Манхэттен. Символика, которой лучше бы не было...

Но наш старенький и сравнительно небольшой «Гамлет» благополучно добрался до своего Эльсинора. Двести с лишним километров по датскому шоссе, и мы опять грузимся на паром, теперь уже из маленького датского городка Рёдбю в Германию.

Путешествовать на машине можно двумя способами – быстрым и медленным. Европа покрыта огромной и все расширяющейся сетью скоростных автомобильных дорог. В Германии они называются *autobahn*, в Америке – *high way*, в Дании – *motorvej* и т. д. Ехать по автобану быстро и удобно, можно держать среднюю скорость сто десять – сто двадцать километров в час, а в Германии, где скорость ограничена только мощностью двигателя, – и все сто восемьдесят. Но при этом пропадает одно из главных преимуществ автопутешествия – дорожные впечатления. Автобаны чаще всего ограждены звукоизолирующими щитами, так что не видно ничего, кроме асфальта и едущих с тобой в одном направлении машин. Передвижение становится дискретным, как на самолете, – ты видишь только начальный и конечный пункты. К тому же при этом виде путешествия существует опасность угодить в многочасовую пробку.

Второй способ – избегать больших дорог. При этом можно по-настоящему увидеть страну, но скорость ограничена семьдесятю километрами в час, а в бесконечных городках и деревнях по пути – пятьдесятю. Так что путешествие растягивается невероятно, и, проехав несколько часов, устаешь и уже ни на что смотреть не хочется, а до цели еще ох как далеко.

В результате мы нашли компромиссный вариант: на сравнительно небольшие расстояния (до двухсот километров) ехать, так сказать, проселками, а на большие – выходить на автобан.

Каждый раз, проезжая через Данию, мне очень хочется заглянуть, к примеру, в Оденсе – родной город Ганса Христиана Андерсена, сохраненный, как говорят, в своей неприкосновенности, – но, как всегда, время не позволяет. И на этот раз тоже. Уже далеко перевалило за полдень, а впереди еще пятьсот километров пути, не считая второго парома – полчаса ожидания, час плавания... так и хочется соврать, что по бурному, но вообще-то абсолютно спокойному Северному морю.

Альберт: Какому Северному? Это пока еще Балтийское!

Посмотрел на карте – Альберт прав, но Северное море звучит романтичнее.

Так и проскочили Данию, успев заметить разве что растущие, как грибы, ветровые электростанции. Там, где полгода назад было пять, теперь десять, где было десять – двадцать. Но это все ерунда по сравнению с тем, что мы потом увидели в Голландии!..

От Пюттгартена до Ганновера около трехсот километров. По-хорошему – два с половиной часа, если бы не полтора часовая пробка, в которую мы угодили под Гамбургом. Благодаря данному Володей по телефону идеально толковому описанию дороги мы без проблем нашли его виллу в Хомячьем переулке (так переводится немецкое название).

Дома были Володина мама Илечка, жена – знаменитый фигурный тренер Таня Тарасова и ее мать, Нина Григорьевна, вдова покойного Анатолия Владимировича Тарасова, создателя хоккейной команды ЦСКА и сборной, которую за рубежом называли не иначе как «big red killing machine» – «большая красная убивающая машина». Таня только что вернулась из Канады. После всех стрессов чемпионата мира она чувствовала себя омерзительно, побаливало сердце, к тому же она только что бросила курить и крайне тяжело это переживала. Но тем не менее, как всегда, быстро и ловко накрыла превосходный стол, на котором царил большая развратная индейка. Мы выпили, поболтали немного, главным образом на темы здоровья присутствующих, и Таня, извинившись, пошла спать. Ее примеру почти сразу последовал Альберт, лишенный привычной сиесты, без которой его навек зараженная Испанией душа обойтись не может.

Когда мы спустились вниз и проходили мимо комнаты Альберта, стараясь его не разбудить, он вдруг проснулся и, вскочив в одних трусах, бодро сказал: «Пять минут, и я готов». Мы успокоили его, объяснив, что ночь еще впереди, а я подивился такой способности быстро восстанавливать силы.

Ночь прошла спокойно, если не считать, что в системе водоснабжения в их доме есть какой-то дефект – каждый раз после пользования определенным краном через несколько секунд раздается тоскливый басовитый рев, по заимствованным из фильмов Спилберга представлениям, похожий на предсмертный стон раненого динозавра.

Наутро к завтраку постепенно сползлась вся семья.

Прощавшись, мы выехали в их тихий, зеленый, вымощенный розовым камнем Хомячий переулок. Навстречу нам шел опрятный господин. На поводке он вел козу. Это была не какая-нибудь домашняя козочка с курчавой шерсткой, мягкими рожками и голубым бантиком. Нет, это было совершенно дикое животное, со своевольно изогнутыми рогами, свалывшейся шерстью и глазами леопарда.

Не увял еще германский дух, может еще Германия за себя постоять!

Голландский хлеб и белые велосипеды

Как только мы пересекли голландскую границу, Альберт заставил нас съехать с большой дороги, и минут через пятнадцать мы остановились в городке под названием Денекамп, чтобы передохнуть и перекусить.

Город вполне патриархальный, узкие тихие улочки, на маленькой площади в центре, как и везде, – старинная церковь, конечно же не позже шестнадцатого века – иметь церковь позже шестнадцатого века в Голландии считается унижительным.

С утра было пасмурно и даже начинал накрапывать дождь, но теперь погода совершенно разгулялась. Мы поставили машину и сели на террасе маленького кафе на площади. Рядом с нами мирно уплетала яблочный пирог крутая банда мотоциклистов – мужеподобные девицы и очень опасные с виду парни в облегающих кожаных комбинезонах и сапогах с хромированными украшениями. Внутри, в помещении кафе, еще одна компания, окутанная табачным дымом, сражалась в очко за уставленным пивными бутылками столом.

Альберт предложил нам отведать, как он его назвал, «очень популярный в Голландии хлеб». На самом деле это никакой не хлеб, а то, что у нас продавалось под названием кекс, – загорелые сладкие кирпичики с изюмом. Здесь, правда, еще до того, как засунуть этот «хлеб» в печь, в нем каким-то образом проделывают туннель и заполняют его тертым миндалем с сахаром, так что внутри уже готового кирпичика содержится перламутрово-серая миндальная колбаска. Потом его нарезают на куски и подают к столу. Очень вкусно. Альберт щедро намазал свой кусок маслом – у него вообще своя теория питания, заметно отличающаяся от общепринятой. Овощи он, к примеру, терпеть не может («я же не корова, в конце концов»), зато старается есть как можно больше жиров и углеводов – в кофе, например, кладет как минимум шесть ложек сахара. Он утверждает, что благодаря этому ест мало и не толстеет. И то и другое – правда.

Этот самый хлеб-кекс составляет неременную принадлежность шведского стола в гостиницах. Но чтобы насладиться им в полной мере, надо приходиться завтракать пораньше. Дело в том, что, когда эту штуку нарезают на куски, миндальная начинка часто выпадает и лежит отдельно. Этим пользуются наиболее проворные гости и прихватывают к своей порции лишнюю миндальную таблетку, а то и две, так что опоздавшие должны довольствоваться просто ломтиком кекса с изюмом и удручающей круглой дыркой в середине. Помоему, такого рода мародерством особенно грешила компания французских туристов – когда я встречал их на выходе из ресторана, физиономии у них были такие, как будто они съели по десять миндальных ломтиков каждый, да так, наверное, оно и было – оставшиеся кусочки кекса были аккуратно выпотрошены. Эти французы были в основном пенсионного возраста и ходили стайками. Однажды я ждал в вестибюле своих товарищей по путешествию, и пожилая французенка, глядя на меня, обратилась к своему спутнику на чистейшем русском языке:

– Взгляни, Мишель, типичный голландец: длинный, скучный и с трубкой.

У меня было сильное желание сказать по-русски что-нибудь вроде: «С нами, блин, голландцами, шутки плохи, мать вашу так!», – но я не стал разочаровывать трогательных эмигрантов, по-видимому, еще первой, послереволюционной, волны.

Выпив кофе и попробовав голландского хлеба, мы двинулись в путь. На этот раз мы выбрали второй способ передвижения – узкая дорога петляла через городки и деревушки, прямо у обочины паслись массивные коровы, провожая нас чувственными взглядами. Тюльпанов не было, зато одуванчиков – море. Кое-где попадались желто-зеленые рапсовые поля.

– Здесь нет тюльпанов, – сказал Альберт, словно прочитав мои мысли. – Тюльпаны на западе, в *полдерах*.

В полдерах – так в полдерах. Наш путь лежал в музей Кроллер-Мюллер, расположенный в национальном парке недалеко от Арнема. Восточный въезд в парк оказался закрытым для машин, поэтому, взяв туристский проспект, нам пришлось объехать весь парк. На первой страничке проспекта было жирно написано: «Белые велосипеды». Почему белые?

Наконец мы оказались у западного въезда. Здесь нас заставили выйти из машины и вытереть ноги о специальный дезинфицирующий коврик. Колеса машины тоже вымыли специальным раствором – Европа сражалась с ящуром. Мы купили билеты и въехали в парк. Тут же разрешилась загадка белых велосипедов.

Оказывается, и за гадки-то никакой не было – белые велосипеды называются так потому, что они выкрашены в белый цвет. Сотни этих белых грязноватых стрекоз стояли на площадке – прокат велосипеда входит в стоимость билета. Но в велосипеде большой нужды не было, поскольку все боковые дорожки и тропинки в парке были перекрыты – яшур. По центральной аллее мы подъехали почти к самому музею.

Альберт вкратце поведал нам историю этой необычной галереи.

Музей обязан своим существованием некоей Хелен Мюллер, дочке немецкого промышленника. В 1888 году она вышла замуж за богатого голландского предпринимателя Антона Кроллера, который унаследовал предприятия ее отца. При его поддержке Хелен, по видимому обладавшая незаурядным художественным вкусом, начала собирать коллекцию живописи.

К концу двадцатых годов ее собрание выросло до такой степени, что могло уже называться музеем, но семья в годы Великой депрессии разорилась, и в 1935 году, не имея средств на строительство музейного здания, Хелен передала картины в собственность государства. В парке, купленном когда-то семейством Кроллер-Мюллер, был выстроен и в 1938 году открыт музей живописи. В 1951 году к нему присоединился сад скульптур, где собраны работы Родена, Генри Мура, Барбары Хепурт и других первостепенных скульпторов.

Но главное сокровище музея – огромное собрание картин Ван Гога, что-то около двухсот штук. Такое ощущение, что в какой-то период времени Хелен покупала все работы Винсента, которые ей попадались. Благодаря этому можно четко проследить хронологию развития болезни. Или гениальности. От бесчисленных едоков картофеля (их там, наверное, штук пять – не едоков, а картин, разумеется) и мрачноватых голландских пейзажей ко все более туго закручивающимся в заряженные почти нестерпимой энергией жгуты оливковым деревьям и кипарисам. Все синее и театральнее становится вечернее небо, на котором расплываются огромные, как сквозь слезы, звезды. Рваные башмаки (как минимум четыре варианта), в более ранних картинах просто подкупающие своей нищенской живописностью, уже не просто стоят на струганом деревянном полу, они выведены из баланса, агрессивны, в них легко угадывается угроза – топтать. Кафе в Арле – островок неживого лимонного света в подступающем все теснее мире ночи. То, что почти все картины, в том числе и очень известные, представлены в нескольких вариантах, помогает ясно понять, что происходило с Винсентом в 1884–1889 годах, в период его увлечения абсентом (прошу прощения за невольную рифму Винсент – абсент). Я, кстати, до этого не знал, что абсент, помимо опьяняющего, оказывает еще и галлюциногенное действие. Теперь знаю. Как говорил тот старый домашний врач, ставя диагноз пневмонии: «Это же видно!»

Помимо Ван Гога, много работ Ренуара, Сёра, Синьяка, Пикассо, Леже и конечно же Мондриана, которого Альберт не признает, но все равно гордится, что тот голландец.

Альберт: Мондриан начинал как вполне реалистичный художник, а потом перешел к раскрашенным квадратам. Я этого не понимаю, зато текстильные и обойные фабрики в восторге.

Видя наше удивление и восхищение, Альберт прямо сиял, как настоящий гостеприимный хозяин, которому удалось приятно поразить гостей.

К сожалению, у нас было не очень много времени – сад скульптур был уже закрыт, в пять часов закрывался и сам музей, и к тому же мы должны были успеть до семи часов объявиться в отеле в Гауде. Мы вышли на улицу, по-моему, самыми последними и даже не купили каталога – киоск был уже закрыт.

Кратчайшим путем выехав на автобан, мы меньше чем через час были в Гауде. Альберт настоял, чтобы мы съехали с автобана не у самой гостиницы, а немного раньше, чтобы проехать по дамбе вдоль живописного большого озера, на котором я, к своему удивлению, заметил воднолыжника – было не больше двенадцати – пятнадцати градусов, а температуру воды – конец апреля! – легко себе представить.

Спросив пару раз дорогу, мы довольно легко нашли наш «Кампаниле».

Гауда – столица сыра и трубок

У Альберта есть одно поразительное свойство – он топографический идиот. То есть он настолько идеальный, законченный топографический идиот, что может служить хорошим проводником – достаточно выслушать его и пойти в обратном направлении. Он сам прекрасно знает об этом своем недостатке и с удовольствием над ним подшучивает, но только до тех пор, пока не надо куда-либо идти. Тут в него вселяется дух противоречия, и он должен обязательно настоять на своем. Я думаю, что он втайне надеется, что вот на этот-то раз окажется прав! Ему придает мужества и то, что Таня, как правило, с ним соглашается – из конформизма.

Но нет, природу не перехитришь. Альберт выбирает неправильное направление всегда. Именно этот факт определил наш первый вечер в Гауде.

Мы отнесли вещи в номер и спустились в бар попробовать наконец, по приглашению Альберта, знаменитый голландский дженевер – крепкий можжевеловый напиток. Оказывается, существует два вида дженевера – молодой, напоминающий по вкусу джин, правда слабее, и старый, выдержанный, особо ценимый местным населением, а на мой вкус напоминающий неплохой, но тоже слабоватый самогон. Впрочем, самогон – настолько универсальное определение, что многим, например, виски тоже напоминает самогон. А мне – нет. Не напоминает. Наверное, речь идет о разных видах самогона.

Добавив к дженеверу по бутылочке местного «Пильзнера», мы почувствовали прилив бодрости и решили идти смотреть старый город. Надо сказать, что гостиница, в которой у нас были заказаны номера, принадлежит к огромной европейской гостиничной сети «Кампаниле» – это гостиницы главным образом для путешествующих на машине. Они снабжены вместительными автостоянками и расположены обычно на окраине города, вблизи съезда с автобана, чтобы их было легко найти. Но поскольку мы добирались до гостиницы через центр, а Гауда город небольшой, я оценил расстояние до центра примерно в два-три километра.

Так оно впоследствии и оказалось. Но не в этот злосчастный вечер.

– Надо идти направо, – решительно сказал Альберт у первого же светофора. – Ты что, не видишь солнца?

Я поднял голову. Небо было уже по-вечернему бирюзовым. Над заправкой «Шелл» висел бледный стеариновый месяц. Я готов был поручиться, что пять минут назад его там не было.

– Солнце я, может быть, и вижу, – ответил я, – но я помню, откуда мы приехали. Надо идти налево.

Альберт был искренне возмущен. Глаза его засверкали, он начал сопеть, в голосе появились саркастические интонации:

– Как ты можешь что-то помнить, когда мы десять раз поворачивали? И потом, не забудь – я в Гауде не в первый раз.

– По-моему, тоже направо, – сказала Таня, явно подлизываясь к Альберту.

Я подчинился.

И тут начался Тарковский.

Почти сразу мы угодили в какой-то промышленный район, совершенно пустой по случаю воскресенья.

Дорога виляла между авторемонтными мастерскими, какими-то подъемными кранами, ангарами и котельными, то и дело упираясь в тупики, перекрытые проволочной сеткой, иногда, как я с неодобрением отметил, даже колючей. Спящие тракторы и грузовики, новенькие автомобили в огромном полуосвещенном зале автомобильной фирмы «Ситроен». Нам все

время приходилось возвращаться и менять направление, так что в конце концов даже чемпион мира по ориентированию не смог бы сказать, откуда мы пришли.

– Альберт, по-моему, это чистая фантазия – насчет шестнадцати миллионов населения, – сказал я. – Здесь никого нет.

– Нет, – подтвердил он растерянно. – Здесь их нет. Я не знаю, где они.

Решимости у него поубавилось.

Вдруг я увидел притаившийся у бетонной стены огромный страшный грузовик и понял, что мы здесь не первый раз. Это было как в компьютерной игре – пытаюсь выбраться из нескончаемого лабиринта, все время возвращаешься в одно и то же место, где на тебя с электронным хрюканьем набрасывается какой-нибудь монстр.

Тут на наше счастье появилась небольшая замурзанная девочка на велосипеде. Альберт бросился к ней. Последовал жаркий диалог на голландском языке, впервые мной услышанном, так сказать, в быту, – не понял ни слова, правда, сделал вывод, что голландский обилием харкающих «х» и «г» напоминает иврит. Из-за этого объяснение показалось мне по-южному бестолковым, но, к счастью, я был не прав.

– Все очень просто, – сказал он, вернувшись. – Надо пройти под железнодорожным полотном и идти вдоль реки.

Мы проследовали через слякотный подземный переход и минут через пять и впрямь оказались у реки.

– Направо, – решительно сказал Альберт.

– Ну нет, – сказал я. – Пойдем налево, тем более что там грохочет музыка – похоже, какой-то праздник.

Альберт прислушался и, к моему удивлению, согласился.

– Не «какой-то праздник», а день рождения королевы, – сказал он таким тоном, что я почувствовал угрызения совести, что не успел ее поздравить.

После этого мы шли еще с полчаса. С набережной мы свернули на канал. Прямо у тротуара стояла черная маслянистая вода, отражения редких фонарей то и дело подергивались рябью. Если бы не эти фонари и не приближающееся с каждой минутой буханье попсового ансамбля, можно было подумать, что время остановилось – не было ни реклам, ни автомобилей, ни ресторанов. Только грубо мощный тротуар, тихое чмоканье черной воды и темные маленькие дома.

Наконец мы оказались на центральной площади, рассекаемой могучим, роскошно освещенным нефом церкви Иоанна Крестителя и старинным зданием ратуши. Здесь были, похоже, все шестнадцать миллионов голландцев, о которых я тосковал полчаса назад, блуждая в индустриальной пустыне пригорода Гауды. Все голландцы оказались очень молодыми и довольно пьяными. Они подпрыгивали, всплескивали руками и истерически визжали под пятисотдецибельный рев какого-то любительского поп-ансамбля. В воздухе витал дымок разрешенной в Голландии марихуаны. На головах у многих были оранжевые колпаки и резиновые надувные короны, тоже оранжевые, – все-таки день рождения не у кого-нибудь, а у самой королевы Беатрикс! Мне стало нехорошо – настроение резко упало, затошнило, и я поволок своих спутников, которые, впрочем, тоже большого удовольствия не испытывали, скорее за угол, где грохот был не таким оглушительным.

Вспомнились северные олени. На севере Швеции вдоль железнодорожных путей репродукторы грохочут сотнями попсовых децибел – чтобы олени не попали под поезд. Животные пугаются и начинают искать ягель по свою сторону полотна...

Как бы то ни было, я совершенно уверен, что скоро врачи начнут обнаруживать у жителей бессонницу, мигрень и депрессивные состояния. Такие децибелы даром не проходят.

– Пошли отсюда, – решительно сказал Альберт. – Нас спасет хорошая кружка пива.

Мы зашли в бар.

Но и пиво не помогло. Альберт заказал через официанта такси, и мы вернулись в гостиницу.

– Послушай, – спросил я, немного успокоившись, – это год какой-нибудь особенный или они всегда устраивают такой пир горой по случаю дня рождения королей?

Альберт есть Альберт. У него всегда в запасе длинный и увлекательный рассказ, и вот что он мне поведал.

Оказывается, со времен Вильгельма Нидерландами правила одна-единственная династия – Оранских, правда, с небольшими перерывами. Вначале они назывались наместниками, потом, начиная с 1815 года, – королями. А перерывы были вызваны тем, что иногда парламент, недовольный действиями главы государства, отправлял его в отставку. Особенно парламент бывал недоволен, когда кто-нибудь из Оранских, разгорячившись, начинал задирать соседей и провоцировал войны.

Самый большой период парламентского правления продолжался сорок пять лет – с 1702 по 1747 год. Правда, был еще один короткий эпизод, когда Нидерландами правил не Оранский – с 1810 по 1813 год. Но это произошло, если можно так сказать, по уважительной причине – Наполеон Бонапарт покончил с Батавской республикой и посадил на трон своего брата – Луи Наполеона. Но голландцы делают вид, что этого самого Луи они просто не заметили. Обо всей этой истории автор еще напомним читателю, если, конечно, не забудет впопыхах.

Альберт: Никаких впопыхах! Это очень важно, иначе никто не поймет, почему голландцы с такой симпатией относятся к России!

Я: Ты уже говорил, что у голландцев есть на это две причины!

Альберт: Три!

Я: Ты говорил про две.

Альберт: Тогда еще раз!

Ладно, напомним сразу. Итак, Альберт опять настаивает, чтобы я довел до сведения русского читателя, что у голландцев есть три причины относиться к России с уважением и симпатией. О первых двух я уже говорил, но напомним.

Причина первая: русские освободили Голландию от Наполеона; если бы не русские казаки, страна так бы и осталась французской провинцией.

Причина вторая: русские сломали хребет гитлеровской Германии; если бы не русские войска, страна так бы и осталась немецкой провинцией.

И наконец, третья и, может быть, самая главная причина: оба раза русские ушли восвояси, предоставив голландцам управлять страной по собственному усмотрению!

И нетрудно догадаться, как распорядились голландцы. Они немедленно вернули из Лондона королеву Вильгельмину, возглавлявшую там правительство в изгнании, и вновь посадили ее на трон.

Так что взаимная преданность нации и династии прямо удивительна. И день рождения королевы – всего лишь повод эту преданность продемонстрировать и таким образом отблагодарить Оранских за то, что они сумели довести эту маленькую и мало приспособленную для жизни страну в целостности и сохранности до наших дней.

Наутро я встал рано и вышел на крыльцо гостиницы. По обе стороны расселись похожие на цыганок-гадалок кусты шиповника. Солнце закрыло небольшое облако, на землю упала тень, и сразу стало холодно. Подул резкий ледяной ветер. Я вернулся в вестибюль, взял кофе и в ожидании своих спутников стал рассматривать иллюстрированный журнал с фотографиями поп-звезд в быту, не переставая удивляться, кому это может быть интересно.

Позавтракав, мы, уже не плутая, подъехали в центр Гауды на машине и, оставив ее на парковке, пошли смотреть церковь Святого Иоанна Крестителя. Этот собор – единственное место в Нидерландах, где удалось сохранить такое количество витражных окон шестнадцатого века, а именно шестьдесят четыре штуки. Вообще говоря, рука не поворачивается (или язык не поднимается? – у меня всегда с этим путаница) называть их штуками – такие окошки высотой метров в тридцать пять и шириной метров в десять, каждое из которых представляет собой многофигурную композицию на библейские и исторические темы. Справедливости ради надо сказать, что не все витражи относятся к шестнадцатому веку, есть и поновее, начала семнадцатого, а три витража были созданы уже в наше время. Два из них выполнены в двадцатые – тридцатые годы в реставрационной мастерской Яна Схаутена в Дельфте и посвящены гигантской работе по восстановлению витражей. Один витраж изображает руки дарителей, предоставивших средства на реставрацию, а другой – символический – называется «Восстановление храма» и изображает строительство храма в Иерусалиме после возвращения иудеев из вавилонского плена. Третий, «новый» витраж смонтирован в 1947 году и посвящен освобождению Голландии от немцев.

Описывать витражи – дело совершенно невозможное. Попробуй описать словами хотя бы одно, а не шестьдесят четыре, многофигурное полотно Босха или Брейгеля! Чтобы не описать, а просто рассмотреть только один витраж, уйдет не менее получаса. Поэтому ограничусь замечанием, что витражи хорошие. Прямо скажем – неплохие витражи. Может быть, поедем как-нибудь в Гауду еще раз – разглядеть их поподробнее.

Впечатляет другое – любовная тщательность, с какой местные жители их берегут. С каждого витража сделаны многочисленные полномасштабные цветные копии на картоне, снаружи витражи покрыли защитным стеклом, чтобы уменьшить вредное воздействие уже далеко не такого чистого, как в шестнадцатом веке, воздуха и избежать всяких непредвиденных случайностей.

Интересно, что во время войны гаудичи (или как их назвать – гаудяне?) разобрали оконные витражи (тысяча семьсот пятьдесят квадратных метров!) и надежно спрятали, заменив обычным стеклом, так что немцы, имевшие планы вывезти витражи в Германию, остались ни с чем. И мы можем легко представить, как это было.

Является, наверное, в церковь немецкий офицер. Он, как все офицеры, в мундире и с моноклем. Собака с ним, наверное.

– Кто у вас тут за главного? – говорит. – Подать его сюда.

Поискали кругом и нашли какого-то перепуганного аббата. Волокуют его, ни слова не говоря, на допрос.

– Я требую немедленно показать мне ваши знаменитые окна, – строго говорит офицер. – У меня есть приказ немедленно вывезти этот шедевр средневекового зодчества в нашу родную нацистскую Германию.

– Ах, окна, – говорит аббат с облегчением, – окна – пожалуйста. Да вы заходите, не стесняйтесь. Чего там! Будьте как дома.

И тут аббат прикусывает язык и пугается. А вдруг собака что-нибудь унюхает? Может, это какая-нибудь специальная собака – на витражи?

– Собачку-то, между прочим, у входа оставьте, – осеняет его. – Церковь все-таки... Не на охоте...

С этими словами заходят они в церковь Святого Иоанна Крестителя. И у офицера, наверное, вытягивается лицо. Даже монокль, наверное, из глаза выпал.

– Да, – говорит, – действительно... окна...

– Окна исключительно большие, – говорит аббат. – Вот это, например, двадцать метров в высоту. Вот это – двадцать пять. А вот это, боюсь соврать, чуть ли не тридцать. Или даже тридцать пять.

– Теперь я вижу, – говорит офицер, – что те, кто меня послал, ничего не смыслят в искусстве. Что ж я, по-ихнему, простое стекло попру в нашу родную нацистскую Германию? У нас там этого добра и так достаточно.

– Может, переплетики возьмете? – сжимаясь от внутреннего хохота, говорит аббат. – Они все-таки почти что из чистого свинца. Пулек там понаделаете или чего...

– Ай, ну что ты, сукин сын, меня расстраиваешь, – говорит офицер, – какие еще переплетики? Или ты намекаешь, что у нас пуль мало?

– Ну что вы, ваше благородие, – говорит аббат, – пуль у вас хватает. Я ж хотел как лучше. Нет – и не надо.

Так и ушел немецкий порученец с голым носом. И собака ничего не прониюхала. А настоящие-то стекла после войны вынули из загашника и в 1947 году вставили на свои места.

Впрочем, сам способ надуть захватчиков не нов. Например, когда британский пират Генри Морган захватил Панаму, дон Хосе, испанский губернатор, припрятал все сокровища, а алтарь из чистого золота, слишком тяжелый, чтобы его можно было быстро вынести и спрятать, приказал выкрасить в белый цвет – кому нужен гипсовый алтарь? И англичане ушли восвояси, ругаясь из-за малой добычи. Алтарь потом, наверное, долго отскребали от краски. Особенно не торопились. Кто их знает, этих англичан, вдруг опять заявятся?

Так все и было. Немцы, наверное, до сих пор простить не могут, что их так провели.

На осмотр церкви у нас было всего лишь часа полтора – на этот день была намечена экскурсия в Гаагу. Но все же перед отъездом я настоял, чтобы мы зашли в разрекламированный Альбертом табачный магазин в Гауде. Дело в том, что Гауда – единственное место в мире, где до сих пор производятся традиционные длиннющие глиняные трубки – такие можно увидеть на старинных голландских полотнах: сидят солидные купцы и ведут неторопливый разговор, покуривая белые полуметровые трубки. Пару лет назад Альберт подарил мне две такие трубки, но курить их я, к сожалению, не умею, так что они составляют просто экспонаты моей небольшой, но растущей коллекции.

А эти трубки, как мне кажется, сыграли немалую роль в формировании национального характера голландцев. Сидят себе депутаты парламента, обсуждают какой-нибудь насущный вопрос, а в зубах у них длиннющие хрупкие трубки. Особенно руками не помашешь и в драку не полезешь – трубку жалко. Но вернемся в магазин.

Хозяин, небольшой мужественный голландец с расщелиной между передними зубами, был невероятно рад, когда я завел с ним разговор о трубках – теперь это такая редкость, сказал он. Когда я спросил, нет ли у него «Латакии», он долго смотрел на меня, не говоря ни слова.

– У меня есть *чистая* «Латакия» – сказал он тихо.

Последнее требует пояснений. «Латакия» – редкий и специфический сорт табака с ярко выраженным смолистым запахом и вкусом. Его происхождение овеяно забавной легендой. Много лет назад урожай табака, собранный в сирийской деревне Латакия, оказался слишком велик, и крестьяне не смогли его продать. Поскольку такое случилось впервые и у них даже не было специальных помещений для хранения табака, излишки раздали местным жителям, которые развесили его для просушки над своими очагами. Когда табак наконец просох, он приобрел невероятно резкий, странный и экзотический запах, поскольку топили жители главным образом верблюжьими, так сказать, кизьяками. Запах и вкус этого табака настолько интенсивен, что в чистом виде он не используется – добавление даже трех процентов «Лата-

кии» к смеси уже придает ей волнующий пряный аромат. Смеси с «Латакией» очень быстро завоевали широкую популярность, особенно в Англии.

Говорят, «Латакия» по-прежнему готовится классическим способом – на верблюжьем дерьме. Все попытки воспроизвести технологию искусственным путем окончились неудачей – поди воспроизведи! Чтобы понять, что ничего из этого не получится, достаточно поглядеть на верблюда...

Двадцатиминутный приятный для обеих сторон разговор закончился осмотром его трубок, приобретением нескольких пачек табака и коробки чистой «Латакии». Расплатившись, мы вышли из магазина, но не прошло и нескольких секунд, как нас догнал запыхавшийся владелец.

– Вы забыли ваши покупки, – отдуваясь, сказал он. – Этого следовало ожидать – настоящие любители трубок очень рассеянны.

Мы улыбнулись друг другу на прощание. Он посетовал, что у него в магазине нет настоящего хороших трубок.

– Посмотрите в Амстердаме, – посоветовал он. – Гауда – небольшой город, и у нас почти нет настоящих любителей. Впрочем, – добавил он, вспомнив, очевидно, что он не только любитель, но и продавец, – у меня есть и очень неплохие трубки по умеренной цене, а в Амстердаме вы заплатите за такие же вдвое.

Я остановился, чтобы раскурить трубку и попробовать новый табак.

– Зачем тебе столько трубок? – спросила Таня. Я ограничился традиционным разъяснением – трубка после каждого курения должна хорошо просохнуть, иначе появляется неприятный кисловатый привкус. На самом же деле все гораздо сложнее. Я выбираю трубку в зависимости от обстоятельств. Вот эта, например, от «Савинелли», с массивной шарообразной чашкой и коротким толстым чубуком, – вот так, зажать в зубах, немного оскалиться, поворот в три четверти... впечатление неподдельной мужественности и грубоватого прямодушия. А вот трубка от «Стенвелл» – тонкая, слегка изогнутая, с расширяющейся наподобие колокольчика чашкой с вывернутыми, как сложенные для поцелуя губы, краями. Совершенно ясно, что обладатель такой трубки – натура изящная, чувственная, эротически утонченная. А вот французский «Шаком» – темный полированный шар соединяется с мундштуком двумя тонкими кольцами из датского янтаря – свидетельствует об изысканном вкусе и философской задумчивости. А вот эта в крестьянском духе, с толстыми стенками, – я беру ее с собой, когда меня приглашают на морскую прогулку. Имидж морского волка. Или вот эта – прямая, классической формы, с серебряным воротничком... Короче говоря, я выбираю трубку в соответствии с тем, какое хочу произвести впечатление.

Впрочем, на этот раз покупать новую трубку в мои намерения не входило, поэтому я еще раз поблагодарил продавца, и мы распрощались. Забегая вперед, скажу, что нам пришлось повидаться еще раз. Попробовав рекомендованный им нейтральный мэрилендский табак «Vier Neere Vaai», я нашел, что он мне не подходит по причине слишком мелкой резки, и обменял на равное количество сладковатого и томного «Larsen».

Мы наскоро выпили кофе и пошли к стоянке.

Дорога шла вдоль сравнительно узкого канала. Занавески на окнах первых этажей в домах были открыты, поэтому было очень трудно удержаться, чтобы не заглянуть – как же живут люди в столице голландского сыра? Мажут, наверное, с утра бутерброды, а потом звонят соседям:

– Знаешь, дорогая, я купила сегодня у ван Схелтинга сыр, и в нем оказалось восемнадцать дыр на квадратный дециметр. Просто потрясюще!

– Что ты говоришь! На прошлой неделе у меня было двадцать две, но зачем считать? Мы же культурные люди!

Но нет, нашим удивленным взорам предстали безлюдные гостиные, обставленные по последнему слову и наверняка с помощью дизайнеров по интерьеру: старинная или под старину мебель, изразцовые каминные, безупречная цветовая гамма, продуманно небрежно брошенный на столик журнал. Вот как мы живем, и нам нечего стесняться – глядите на здоровье! Одна гостиная, вторая... четвертая... восьмая... Тут уж не сыр с его провинциальными дырками – бери выше!

Я представил себе собирающуюся в такой гостиной по вечерам семью – они аккуратно садятся по своим местам и смотрят телевизор, жуя какую-нибудь дрянь вроде попкорна. Мне стало грустно – вдруг возникли ощущения, очень похожие на те, что я испытал накануне вечером и отнес на счет известного воздействия инфразвука. Только теперь я понял, что это было – страх перед толпой. Толпой, где все хотят быть не хуже других. Положено визжать и прыгать – будем визжать и прыгать, положен камин с изразцами – будет камин с изразцами. Вчера физиономии веселящихся были большей частью вполне миролюбивые, даже сильно пьяных не было, но все равно – воздух был отравлен агрессивным потенциалом возбужденной толпы. Недаром почти на каждом рок-фестивале кого-нибудь давят насмерть. Недаром надо было полчаса орать «зиг хайль!», чтобы потом устремиться дружной массой – где все, как все, – выполнять любой приказ фюрера...

...Тут автору очень хочется сделать паузу и вместе с читателем попытаться понять. Вместе с читателем – это не риторическая фигура. Автор, повыбрав среди своих знакомых тех немногих чудаков, которые более или менее привыкли рассуждать об отвлеченных предметах, уже не раз в беседах с ними задавал вопрос: как же это получается, что, несмотря на умопомрачительный прогресс, несмотря на все новые открытия и изобретения, наша цивилизация настолько отравлена примитивным насилием, ложью и ненужной, никакими политическими целями не оправданной жестокостью, что, похоже, она уже выпускает дух? Люди – наши современники – настолько много знают и умеют, что кажется почти невероятным, что на этом уровне цивилизации они могут позволить увлечь себя какой-нибудь примитивной идейкой, вроде коммунизма или фашизма, но именно этому мы с удручающим постоянством и становимся свидетелями. То есть стремление быть в стае оказывается сильнее всех моральных принципов. Хорошо, если стая приличная, а нет – тоже не беда: важно быть со всеми. Цивилизация, как выяснилось, вовсе не препятствует формированию самых тошнотворных стай. Объяснить это можно только тем, что культура и цивилизация – это совсем не одно и то же, и автор, не помня точно, кто же именно первым заметил разницу между этими понятиями, с удовольствием поставил бы ему памятник на самом видном месте. Кажется, это был Иван Ильин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.